

3. Шаховский, В. И. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. И. Шаховский ; отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2006 // Филол. науки. – 2007. – № 1. – С. 113–115.

Abstract. The article examines one of the significant concepts of the modern Russian language picture of the world – «The woman» – and highlights some features of this concept.

Keywords: concept, phraseology, woman, language picture of the world.

УДК 811.161.1'42'271:821.161.1-31*Л. Н. Толстой:821.161.1-31*С. А. Толстая

А. Е. Рожкова

Научный руководитель – **Т. Е. Никольская**,
канд. филол. наук, доцент

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЕРЕКЛИКАЮЩИХСЯ
ЭПИЗОДАХ ПОВЕСТЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО
«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»
И С. А. ТОЛСТОЙ «ЧЬЯ ВИНА?»:
ГЕНДЕРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье через призму гендерно-лингвистического подхода анализируются перекликающиеся эпизоды повестей Л. Н. Толстого «Крейцера соната» и С. А. Толстой «Чья вина?». При сравнении рассматриваются: невербальное поведение, типы языковых личностей, речевое поведение героев. Прослеживаются характерные описательные детали, отражающие гендерные стереотипы авторов и разницу восприятия ими конкретной ситуации.

Ключевые слова: С. А. Толстая, Л. Н. Толстой, гендерная лингвистика, речевое поведение.

С. А. Толстая задумывала свою повесть «Чья вина?» (1892–1893, перв. публ. 1994) как женский ответ на «Крейцерову сонату» (1890) Л. Н. Толстого. Мы рассматриваем перекликающиеся в обеих повестях сцены ревности, последовательно анализируя невербальное поведение, речевое поведение и типы языковых личностей героев.

Концепция подобного сравнения заключается в том, что особенно сти речевого поведения героев и характерные описательные детали отражают гендерные стереотипы авторов. То есть при анализе речевого поведения персонажей с точки зрения гендерно-лингвистического подхода можно проследить разницу восприятия конкретной ситуации Л. Н. Толстым и С. А. Толстой.

Присмотримся к текстам.

Невербальное поведение Позднышева позволяет предположить, что он осознанно проявляет пассивную агрессию по отношению к жене. Как

только жена входит в комнату, он закуривает, тогда как точно знает, что жена не любит, когда он курит при ней. Она подсаживается к нему в попытке установить тактильный контакт, но он демонстративно отсаживается от неё.

Толстой выбирает способ повествования от лица героя-рассказчика, поэтому читатель всегда знает о том, что думает герой. Так, интересен тот факт, что Позднышев, ожидая прихода жены, думает, что «...она, как жена Урии, хочет скрыть уже совершённый грех свой...» [1, с. 58]. Как Позднышев не называет жену Урии по имени (*Вирсавия*), так и сам Толстой в повести ни разу не называет имени жены Позднышева. Осознанно скрывая имена женщин, и Толстой, и его герой как бы стирают личности своих жён, оставляя лишь историю об измене и попытке её сокрытия, в центре которой стоит жестоко обманутый порядочный муж.

В повести «Чья вина?» князь Прозорский не проявляет невербальной агрессии до самого драматического момента. Князя выводит из себя попытка Анны успокоить его, взяв за руку, – он вырывается и, выкрикивая угрозы, хватается за пресс-папье.

В дополнение к анализу невербального поведения героев можно выделить ядро лексико-семантического поля [2, с. 2–3] «движение». Тут важно отметить, что нами используется понятие лексико-семантического поля как совокупности слов, объединённых общим семантическим компонентом. Писатели используют слова, семантически близкие, образующие в тексте словесный ряд [3, с. 152], в который входят слова из других лексико-семантических полей. Например, при описании действий жены Позднышева Толстой использует глаголы, обозначающие движение, результатом которого является статичность: *села, прислонилась, остановилась*, или глаголы, которые описывают статичное состояние: *не имела силы уйти, встала, но не ушла, а остановилась посередине комнаты*. Даже после броска пресс-папье она не убежала прочь, а *пошла из комнаты, но остановилась в дверях* [1, с. 59]. Анна в повести Толстой более подвижна: *подошла* (слово повторяется 3 раза), *отворила, взяла за руку, попыталась взять за руку, отбежала*. Толстая описывает действия Анны как более свободные и живые, тогда как Толстой ограничивает свою героиню, тем самым скрывая её в тени более активного Позднышева.

Следующим важным этапом исследования является определение типов языковой личности героев повестей [4]. Оба мужа представлены писателями как конфликтный тип языковой личности, относящийся к конфликтно-агрессивному подтипу, при этом у обоих присутствуют черты манипулятора. Конфликтный тип языковой личности характеризуется самоутверждением за счёт партнёра при уверенности в своей правоте и безнаказанности. Выражение вербальной агрессии есть главный инструмент конфликтно-агрессивного типа языковой личности. И оба мужа демонстрируют вербальную агрессию по отношению к жёнам, то есть относятся именно к этому типу. Позднышев использует несколько рито-

рических приёмов, позволяющих установить коммуникативное доминирование. Например, высказывание *я нисколько не недоволен* можно определить как двойное отрицание *не недоволен* с отрицательным интенсификатором *нисколько*. Во фразе *я нисколько не недоволен* видится скрытое, не прямое сообщение «ты ошиблась, ты неправильно видишь моё состояние». А высказывание *Ну, поздравляю тебя, что ты видишь* однозначно манипулятивно-ироничное и направлено на доминирование. Эти реплики устанавливают доминирование Позднышева над женой.

Из сходств отметим, что оба мужа доходят до того, что наносят жёнам личную инвективу. Позднышев сравнивает поведение жены с поведением «*кокотки*», а князь Прозорский напрямую называет жену *любовницей другого мужчины* и позже – *мерзкой, развратной женщиной*. Оба мужа главным своим аргументом считают обращение к своей чести, и даже более – к чести семьи. В частности, Позднышев говорит: «*Уходи, только знай, что если тебе не дорога честь семьи, то мне не ты дорога (черт с тобой), но честь семьи*» [1, с. 58], и князь Прозорский как будто вторит ему: «*Я давно терплю, я не позволю... Честь моя, семьи моей*» [5, с. 56].

Князь Прозорский представляется более манипулятивным героем, в том числе потому, что часто пытается оправдаться перед слушателями и выглядеть перед ними более убедительным: «*Мне страшно хотелось бить, убить ее, но я знал, что этого нельзя <...> швырнул его (пресс-папье) оземь мимо нее. Я очень хорошо целил мимо <...> пока еще она видела (я сделал это для того, чтобы она видела), я стал брать со стола вещи <...> бросать оземь их...*» [1, с. 59]. С первой реплики он воздействует на жалость и совесть Анны: «*Мне не только хуже, но у меня или разорвется сердце, или сделается удар. Я не могу больше выносить твоего поведения*» [5, с. 56]. Эта манипуляция работает на протяжении всей сцены, жена дважды обращается к мужу со словами озабоченности о его здоровье. Позднышев тоже якобы обращает внимание на здоровье: «*Я чуть не задохнулся*», однако после добавляет: «*Я чуть не задохнулся, так долго я удерживал дыханье*» [1, с. 58].

Жену Позднышева можно отнести к кооперативно-комформному типу, она боится конфликта, интересуется мнением мужа: «*Я вижу, что ты недоволен тем, что я хочу играть в воскресенье*» [1, с. 58]. Её уточняющие вопросы воспринимаются мужем как подлые и взыскательные (не просто так он сравнивает её в начале с Вирсавией, а под конец вспоминает о том, как она мастерски умеет уязвлять его историей о его сестре). Тип Анны ближе к кооперативно-актуализаторскому, ведь она, несмотря ни на что, начинает защищать себя и вступает не в конфликт, но в подобие столкновения с мужем. Она иронизирует над его честью, зная, что она никак не могла очернить её: «*Твоя честь!.. Ах, будь спокоен за честь свою*» [5, с. 56]. Она говорит о своих умеренных чувствах к другому: «*Я очень люблю Дмитрия Алексеевича и...*» [5, с. 56] (тут люблю в значении ‘уважаю, ценю’). То есть она предпринимает тщетные попыт-

ки объяснить мужу то, что она сама чувствует и делает: «*Но за что? Разве ты до сих пор не знаешь меня?*» [5, с. 56].

При анализе речевого поведения [6] необходимо произвести подсчёты количества реплик и произнесённых героями слов. Позднышев произносит 8 реплик, его жена – 7. У Толстой наоборот: князь Прозорский – 7 реплик, Анна – 8. Такую небольшую разницу можно назвать одним из главных отличий этих двух сцен. В обеих сценах последняя реплика принадлежит мужьям, оба обвиняют жену и угрожают ей смертью. У Толстой последняя содержательная реплика произносится женой: «*Но за что? Разве ты до сих пор не знаешь меня? Успокойся, ради Бога. Разве могло быть что-нибудь?..*» [5, с. 56]. С. А. Толстая, вероятнее всего, не закладывала эту разницу сознательно, но в контексте восприятия женщиной и мужчиной, женой и мужем семейной ссоры такое различие лучше назвать интуитивным.

В обеих сценах инициаторами разговора являются жены. Интересно заметить, что князь Прозорский произносит больше всего слов, по сравнению с другими персонажами, он произносит 89 слов, его жена Анна – 64. Позднышев – 74 слова, его жена – 56 слов. Толстая не просто так вкладывает в уста князя такое большое количество слов. Она показывает его как манипулятора, жалующегося на ухудшение здоровья, обвиняющего жену в связи с другим мужчиной, пытающегося добиться от неё нужного ему ответа, оскорбляющего свою жену. Если о Позднышеве Толстой пишет, что тот часто сдерживает себя, он не оскорбляет жену вслух, то, описывая действия Прозорского, Толстая демонстрирует все тёмные стороны своего героя.

Таким образом, через призму гендерного подхода мы рассмотрели речевое поведение персонажей в сценах ревности из двух повестей. Толстой стирает личность жены Позднышева, концентрируя внимание читателя лишь на чувствах обманутого мужа, от чьего лица ведётся повествование. Толстая не просто рассказывает похожую историю со стороны жены Анны, но и делает её равноправной собеседницей, способной рассказать свою историю.

Список использованных источников

1. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1928–1958. – Т. 27.
2. Ткаченко, О. Ю. Лексико-семантическое поле и словесный ряд: возможности комплексного анализа художественного текста (на примере анализа повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья») / О. Ю. Ткаченко, М. М. Шитькова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 4.
3. Горшков, А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А. И. Горшков. – М. : Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2008. – 544 с.
4. Ишмуратова С. Р. Функционально-коммуникативный анализ художественного текста: речевое поведение персонажей [Электронный ресурс] /

С. Р. Ишмуратова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–2. – Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20197>. – Дата доступа : 13.11.2021.

5. Толстая, С. А. Чья вина? (По поводу «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого) / С. А. Толстая // Октябрь. – 1994. – № 10. – С. 3–59.

6. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении / К. Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. – С. 6–12.

Abstract. The article analyzes corresponding episodes of Leo Tolstoy's *Kreutzer Sonata* and Sofia Tolstaya's *Whose Fault?* through the prism of gender-linguistic approach. While comparing them, the focus is on non-verbal behavior, types of language personalities, language behavior of protagonists. Characteristic descriptive details are traced that reflect gender stereotypes of the two authors and the difference in how they perceive the same situation.

Keywords: Sofia Tolstaya, Leo Tolstoy, gender linguistics, language behavior.

УДК 811.111'06'276-053.67

Е. В. Саковская
Научный руководитель – **Е. А. Чернякова**,
старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сленга современной английской молодежи. Автор предлагает определения сленга для русского и английского языков, формулирует его основные признаки и объясняет их. Раскрываются основные источники сленга, а также различия между грамматикой нормативного английского языка и грамматикой разговорной речи.

Ключевые слова: сленг, употребление, признаки, классификация, молодежь.

В наше время практически невозможно встретить человека, который ни разу не использовал бы в своей речи сленг. Это очень легко объяснить: люди привыкли изменять, сокращать и убирать достаточно большое количество слов из своей речи. Однако люди практически не задумываются об определении этого понятия, его происхождении и отличительных признаках.

Сленг является неотъемлемой частью любого языка, в том числе и английского. Он проникает во все сферы жизни общества: литературу, кинематограф, разговорную речь людей. Использование необычных